

О ДОЛГЕ И СОВЕСТИ

К итогам сезона во Львовском театре ПрикВО

Говоря об особой привлекательности актерской профессии, Михаил Ульянов сформулировал свое понимание ее так: «...Я болею, я страдаю, но что я могу лично? Ну, поговорю с друзьями — и все. Но я же еще актер. Я же могу еще рассказать про ту боль, которая меня гложет, про те тревоги, которые мне не дают спать, — через роль, через характер...».

Эти слова могут быть полностью отнесены к актеру театра ПрикВО Виктору Щербаккову, и особенно ярко подтверждают их справедливость роли, сыгранные им в военных спектаклях, в частности — в спектакле «Иван и мадонна» А. Кудрявцева. Именно эта работа, тематически принципиальная для театра, во многом показательна для прошедшего сезона — его тонуса, уровня.

Живут среди нас ветераны Великой Отечественной. Не так много их осталось. Не всегда могут рассказать они о себе, соизмерить свое участие в войне, скромные свои заслуги с историей; полагая, что заслуг этих и нет вовсе, а есть лишь честное — выполнение своего гражданского, патриотического долга.

Таков и герой пьесы А. Кудрявцева — белорусский крестьянин по имени Иван. Высочайшая гуманность этого солдата проявилась в ситуации парадоксальной: ему довелось под обстрелом принимать роды у немецкой женщины. Он спас мать и ребенка (названного в его честь Иваном).

О великой нравственной чистоте и красоте солдата этот спектакль. «Нравственное есть Правда», — писал Василий Шуншин. Вот эта Правда и придает работе Виктора Щербаккова масштабность, создает «поле тяготения» между актером и зрителем. Его актерские краски в этой роли притушены, его герой тих и светел, безотказный в помощи — всем, кто бы о чем ни просил, суетливом и непримиримо агрессивным, когда сталинизируется с подлостью, несправедливостью.

Вот столкновение это с конкретным злом — бывшим полицаем Гришкой, отбывавшим срок и ныне процветающим за счет колхоза, — в спектакле не то, чтобы смягчено, но не получило должной оценки, гражданской и художественной. Похоже, театр не дове-

ряет сам себе, недооценивает своих возможностей в борьбе со злом. И оттого, что режиссер В. Гаврилов, как бы отсек крайние точки конфликта, «усреднил» его, в спектакле, жанр которого определен как трагикомедия, первая часть этого определения явно уступает второй, взаимопроникновению не происходит.

В этом спектакле, как всегда, радует встреча с А. Арндьевым (старик Женьшень). Истома в неумной бабьей сварливости, равно и в верной, самоотверженной любви к мужу Марья (К. Байбанова), остро и социально точно играет участкового милиционера по кличке «Сугубый» Н. Кравченко.

Нравственные проблемы, их сценическое решение более всех иных увлекают режиссера В. Гаврилова. Он отдает предпочтение пьесам психологическим, в спектаклях всегда делает ставку на актера, акцентируя личностное начало исполнителя.

«Пятое время года» Н. Павловой — пьеса с запутанными психологическими ходами и загадками. Некая нарочитость ситуаций в ней уживается (не всегда мирно) с глубокой постижения человеческого характера, особенно женского. Герой и героиня встречаются в ночь под Новый год на железнодорожном пути, вдали от станции. Замерзший, отчаявшийся неудачник художник Илья понял, что именно здесь, сейчас встретил свою единственную, желанную. Вера, чья жизнь тоже сложилась как-то нескладно (конечно, она одинока — такие женщины ныне привлекают пристальное внимание драматургов), поверила в свое счастье. Но Илья предаст свою единственную любовь.

Такова схема. Параллельно развивается тема служебной деятельности Веры — юриста контрольно-ревизионного управления. Неподкупная, бесстрашно принципиальная, она разоблачает шайку жуликов и спекулянтов, много лет терроризировавших местную торговлю. Это очень убедительно показывает Ж. Тугай, играющая героиню спектакля. Но спек-

такль — о любви. О ее великой творческой силе.

Спектантлы о любви не часты в наших театрах. То есть взаимоотношения, называемые этим словом, встречаются даже в самых что ни на есть производственных пьесах — для «оживляжа» (существует такое ироническое понятие). Но вот о любви, которая «и вдохновенье, и жизнь, и слезы...», — редко.

Ж. Тугай и В. Мельник играют любящих, знающих с момента встречи, что чувство их обречено. Но любовь и надежда сильнее. Поэтому в их дуэте, как у Блока, «мелодией одной звучат печаль и радость». Иногда актриса не уступает перед соблазном пожать свою героиню (тем более, поводов для этого предостаточно), но мы верим, что в жизни, как бы круто она ни повращивала, Вера работает без страховки. И в игре Ж. Тугай поэтическая метафора Анны Ахматовой «пятое время года» обретает живой, волнующий смысл.

Сложен и в то же время легко узнаваем образ Ильи. Это одна из ипостасей героя известного фильма «Осенний марафон», человека слово бы и талантливого, и честного, и любящего, и доброго, но принимающего всем близким только страдания, неспособного на решительный поступок, перекладывающего ответственность на женские плечи. Он все время ищет оправдания себе, своим поступкам — будь они красивы или безобразны. И находит!

В. Мельник точен в роли этого обаятельного современного негероя, страдания которого чересчур картинны, чтобы быть искренними, и в то же время способного понять и оценить страдания и истинную сущность другого человека.

В спектакле много доброты, добрых людей. Это железнодорожница Клара, женщина большой души, веселая, здравомыслящая, с удивительной щедростью и искренностью сыгранная М. Корчагиной; это печальный и мудрый повар детского санатория Рувимичи (тепло и обаятельно играет эту роль В. Подлигаев).

Среди этих людей, которых внутренне объединяет несправедливость, отсутствие зависти и чуждому добру и чужим успехам, сострадательность, особенно резко выделяется энонимист Алла, дама с железной жизненной хваткой, лишенная махих бы то ни было комплексов. Такой ее играет В. Куприянова. Играет броско, темпераментно, но, кажется, несколько прямолинейно, — не выходя за границы тенста.

А вот Галина, жена Ильи, в исполнении Г. Данылиев — это биография, начавшаяся задолго до появления этой женщины на сцене и продолженная после окончания спектакля. Мы долго убеждали зрителей, что женщин, подобных Галине, в нашей действительности быть не может. Таких непринятых и циничных, вызывающе афиширующих свой род занятий, опустошенных и жалких. Но в этом размалеванном и дино одетом существе жива трепетная и нежная любовь, которая, как травинка сквозит асфальт, пробилась сквозь толщу пошлости и цинизма, и мы поверили в это благодаря таланту молодой актрисы.

Спектакль «Пятое время года» идет на малой сцене. Немало усилий приложила сценограф И. Нирод, чтобы оформить его с учетом особенностей площадки и зрительского восприятия. Однако специфика малой сцены не всеми исполнителями освоена в достаточной мере. Этот упрек можно адресовать частично и режиссеру.

Последняя премьера театра — «Оранжевое небо» С. Климентьева. Спектакль поставлен молодым режиссером Р. Мархольца, смело и интересно заявившем о себе «Сашкой» В. Кондратьева, в котором он работал с группой молодежи театра. Естественно, что успех «Сашки», популярность этого спектакля сплотили ребят вокруг режиссера, и он продолжает работать с ними, своими единомышленниками, безоговорочно принявшими его эстетичку, подход к материалу.

«Оранжевое небо» — спектакль молодежный. Пьеса С. Климентьева — о гвардии рядовых, которые служат там, где небо над ними оранжевое, он о том, как нелегко стать настоящим солдатом, понять, осознать высокую честь принадлежности к Советской Армии, воспитать в себе характер, волю, особо развитое чувство товарищества.

Пьеса была включена в репертуар из соображений тематических. Произведения о жизни сегодняшней армии театру необходимы, а пишут об этом

мало и не всегда так талантливо, как хотелось бы. «Оранжевое небо» даже средним драматургическим стандартам не отвечает. И режиссер придумывает интересный постановочный прием: пусть актеры играют... репетицию этого спектакля. Чтобы не было недоумений, жанр так и определяется: репетиция спектакля в двух частях без антракта.

...Актеры предельно органичны в предельно органичной ситуации: суетится помреж, почему-то опаздывает, но просит работать без него режиссер, куда-то делся элентрин, кто-то забыл текст, кто-то учит роль и т. д. На авансцене артист Ю. Савельев — он играет главную роль, рядового Истомина — читает письмо. Слово бы про себя, но постепенно набирая силу — так начинается собственно действие. Нескольким раз будет оно прерываться, ибо прием репетиции режиссер выдерживает последовательно. Актеры обаятельно раскованы, никто не фальшивит, не переигрывает. Перебрасываются репликами, не принужденно переходят из одного игрового плана в другой, но планы-то так и существуют параллельно: репетиция есть репетиция, а «Оранжевое небо» отнюдь не результат ее. Прием этот не дополняет и не углубляет содержания пьесы, ничего нового или более интересного, чем заложено в драматургическом материале, мы о героях не узнаем. Развлекательная функция? Без нее театра нет. Но ведь развлекает этот режиссерский прием только тех, кто хорошо знает «мужуху» театра, не раз бывал свидетелем или участником таких вот репетиций.

Искусство театра подменено его буднями. И как результат — будничней спектакль, нечеткий по мысли, эмоционально аморфный.

«Оранжевое небо» можно рассматривать как учебную экспериментальную работу, однако предшествовавшие этому спектакли молодого режиссера дают основание думать, что период таких проб им уже пройден.

С. РЯБОВОБЫЛЕНКО.

Львовский театр ПрикВО